

ITALO CALVINO

# MARCOVALDO,

ovvero le stagioni in città

ИТАЛО КАЛЬВИНО

# МАРКОВАЛЬДО,

или Времена года в городе



Иллюстрации Серджо Тофано

Перевод с итальянского Татьяны Стамовой



БЕЛАЯ ВОРОНА  
ALBUS CORVUS  
Москва · 2023

УДК 821.131.1  
ББК 84(4Ита)-44  
К178

ISBN 978-5-00114-329-1

Copyright @ The Estate of Italo Calvino, 2002  
All rights reserved.  
© 2002 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano  
© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano  
Cover and inside illustrations by Sto  
© Татьяна Стамова, перевод, 2021  
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	8
Весна ГРИБЫ В ГОРОДЕ	17
Лето ОТДЫХ НА СКАМЕЙКЕ	23
Осень ГОРОДСКОЙ ГОЛУБЬ	34
Зима ГОРОД, ЗАТЕРЯННЫЙ В СНЕГУ	39
Весна ЛЕЧЕНИЕ ОСАМИ	46
Лето СУББОТНЕЕ СОЛНЦЕ, ПЕСОК И СОН	53
Осень КОРОБОЧКА	59
Зима ЛЕС У ШОССЕ	66
Весна СВЕЖИЙ ВОЗДУХ	71
Лето ПУТЕШЕСТВИЕ С КОРОВАМИ	78
Осень ЯДОВИТЫЙ КРОЛИК	85
Зима НЕ ТА ОСТАНОВКА	97
Весна ГДЕ РЕКА СИНЕЕ	108
Лето ЛУНА И НЬЯК	113
Осень ДОЖДЬ И ЛИСТЬЯ	122
Зима МАРКОВАЛЬДО В СУПЕРМАРКЕТЕ	132
Весна ДЫМ, ВЕТЕР И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ	141
Лето ГОРОД ДЛЯ ОДНОГО	150
Осень САД СТРОПТИВЫХ КОТОВ	155
Зима ДЕТИ ДЕДА МОРОЗА	170

**К**огда мы выяснили, что книга итальянского классика Итало Кальвино про добродушного чудака Марковальдо не переведена на русский, мы просто не могли поверить своему счастью. Это как обнаружить сокровище капитана Флинта. Или еще одну часть «Гарри Поттера».

Невозможно представить себе литературу XX века без Итало Кальвино. Без книги про волшебные города, где якобы побывал Марко Поло («Невидимые города»); без барона Козимо ди Рондо, который провел всю жизнь в кронах деревьев, а потом улетел на воздушном шаре («Барон на дереве»); без Читателя и Читательницы, которые находят в редакции все новые и новые неоконченные романы («Если однажды зимней ночью путник...»).

Сам Итало Кальвино похож на своих персонажей – любит ускользать и пожимать плечами. А все потому, что, по его мнению, самое важное в писателе – это его книги, а не какие-то там подробности жизни. «Биографических данных я не даю, – говорит он, – я или придумываю их или меняю время от времени»\*.

Так что мы не знаем, правда ли кладовщик туринского издательства «Эйнауди», где работал Итало Кальвино, вдохновил его на создание Марковальдо. Точно неизвестно, взят ли сюжет первого рассказа из реальной жизни. Но так или иначе, Марковальдо возник – а сейчас на ваших глазах рождается на русском языке.

Марковальдо живет в большом городе с фабриками и заводами, работает грузчиком в некоей безликой фирме, пытается прокормить многочисленных ребятишек и не очень злится ворчливую жену Домитиллу.

Марковальдо обитает в царстве цемента и бетона, но даже там он умудряется найти что-то живое. Грибы, уличные коты, растение в кадке, туман и снег – вот настоящие события его жизни. Он смотрит на мир глазами ребенка, внимательными к любым проявлениям жизни, чистыми, как будто промытыми родниковой водой. Поэтому кажется, что хоть он неизменно и попадает впросак, победа непостижимым образом остается на его стороне – как и наша симпатия.

Марковальдо часто сравнивают с персонажами Чарли Чаплина, и это сходство уловил другой итальянский гений XX века – иллюстратор книги, художник, писатель, актер и режиссер Серджо Тофано. Его универсальность как актера не уступает универсальности Кальвино как писателя. Роли Серджо Тофано в кино – от комедийных до трагичных – являются образцами высшего актерского мастерства. А персонаж его знаменитых комиксов, синьор Бонавентура, до сих пор не менее узнаваем и любим, чем, например, наш крокодил Гена.

«Марковальдо, или времена года в городе» – одна из тех книг, про которых трудно сказать, детская она или взрослая. Прочтет ли ее ребенок, подросток или взрослый – это будет каждый раз новая книга. Новая, но неизменно прекрасная.

*Перед вами серьезное и скучноватое предисловие к (надо надеяться) совсем не скучной книге. Читатели могут смело его пропустить (хотя какому-нибудь филологу эта «инструкция к употреблению», вероятно, будет полезна).*

Книга «Марковальдо, или Времена года» состоит из двадцати рассказов. Каждый рассказ посвящен тому или иному времени года. Соответственно цикл из четырех сезонов повторяется в книге пять раз. Все рассказы объединены общим героем по имени Марковальдо и следуют более или менее одной схеме.

Книга была впервые опубликована в 1963 году в Турине издательством «Эйнауди» с иллюстрациями Серджио Тофано. В авторском предисловии читаем: «Оказавшись в городе, где властвуют цемент и асфальт, Марковальдо пускается на поиски Природы. Но существует ли она? Природа, которую все же удастся отыскать Марковальдо, оказывается подделкой, грубой и бездушной имитацией жизни. Печальный неудачник Марковальдо — герой сборника современных новелл, повествовательной структурой напоминающих юмористические рассказы и зарисовки из детских журналов».

Черты героя едва обозначены: это простодушный горожанин, отец большого семейства, разнорабочий в безымянной фирме. Марковальдо — последний из ряда наивных героев-неудачников в духе Чарли

Чаплина. Отличает его только одно: он «человек природы», «благородный дикарь», сосланный в промышленный город. Как Марковальдо оказался в городе и где находится тот другой мир, по которому он ностальгирует, нам неизвестно. Да, Марковальдо вполне можно назвать иммигрантом, хотя это слово и не появляется в тексте. Однако и большинство других персонажей книги в каком-то смысле иммигрировали в чуждый им мир, убежать откуда невозможно.

Лучшее описание персонажа дано в первой новелле: «Зрение Марковальдо было плохо приспособлено к городской жизни: вывески, светофоры, витрины, светящиеся афиши (какими бы яркими и зазывающими они ни были) совершенно его не привлекали — взгляд скользил по ним как по пескам пустыни. Зато какой-нибудь желтеющий на ветке лист или зацепившееся за черепицу перышко он примечал сразу. Слепень на спине у лошади, дырочка, сделанная в столе древесным жуком, раздавленная на тротуаре кожица инжира — и Марковальдо уже погружался в раздумья: о смене времен года, о потаенных желаниях души и тягостях собственного существования».

Общую для всех рассказов схему можно описать так: оказавшись посреди большого города, Марковальдо 1) наблюдает, как незаметно смена времен года проявляется в погоде и в скудной городской флоре и фауне, 2) мечтает вернуться к природе, 3) неизбежно разочаровывается.

Некоторые рассказы («Грибы в городе», «Городской голубь», «Лечение осами») напоминают стрип-комикс

длиной в одну страницу. Финал у таких комиксов, как правило, неожиданный и не очень счастливый. Другие рассказы полны горечи и написаны почти в традициях реализма («Коробочка», «Свежий воздух», «Путешествие с коровами»). В третьих самое важное — это состояние души и окружающий пейзаж: одиночество живого существа в «Ядовитом кролике» и блуждания в тумане в рассказе «Не та остановка».

Словно чтобы подчеркнуть сказочный характер рассказов, персонажам книги — дворникам, ночным сторожам, безработным, складским служащим, наконец, самому главному герою — даны высокопарные средневековые имена, словно взятые из рыцарской поэмы. Только у детей имена обычные — может, потому что лишь они предстают такими как есть, без всякой карикатурности.

Автор не сообщает, в каком именно городе живет его герой. Отчасти он похож на Милан, отчасти — рекой и холмами — на Турин, где автор провел большую часть своей жизни. Эта неопределенность неслучайна: автор подчеркивает, что действие могло бы происходить в любом промышленном мегаполисе. Схематичный и условный образ города соответствует схематичности и универсальности самих историй.

Еще более приблизительно описание фирмы, где работает Марковальдо: мы так и не узнаем, что же там производят, что продают под таинственным названием «СБАВ». Мы не узнаем, что лежит в ящиках, которые Марковальдо разгружает и загружает по восемь

часов в день. Эта фирма — символ всех остальных безымянных фирм и компаний, которые властвуют над миром сегодня.

По контрасту с почти детской простотой сюжетов стиль изложения выглядит гораздо сложнее. Он основан на чередовании поэтически-возвышенного, почти патетического тона (особенно когда описываются явления природы) и прозаично-иронического описания современной городской жизни, ее маленьких и больших невзгод.

Более того, дух книги заключается именно в этом стилистическом контрапункте: он заметен даже в самых простых рассказах с незатейливым сюжетом и сконцентрирован порой уже в первой фразе, вводящей тему времен года. («Залетный ветер из чужих краев любит оставлять городу необычные подарки, но замечают их только самые тонкие и чувствительные души — вроде аллергиков, что начинают чихать из-за какой-нибудь особенной цветочной пыльцы»).

В других рассказах, даже если их сюжет сводится к серии комических зарисовок, любая деталь работает на создание сложного стилистического рисунка (например, контраст между волшебным цветом луны и желтым глазом светофора в «Отдыхе на скамейке»). Более затейливому сюжету соответствует и более тонкая художественная аранжировка. Возьмем для примера разноцветное видение в финале рассказа «Дождь и листья». Или начало рассказа «Сад строптивых котов», где описывается, как современная архитектура

захватила «город котов» — пространство, которое было жизненно необходимо и для людей.

Вся книга окрашена в меланхоличные тона. Можно подумать, что простота комических зарисовок служит автору лишь отправной точкой для горьких и безрадостных размышлений. Но Марковальдо, проходя через все препятствия, не становится пессимистом. Во враждебном ему мире он всегда готов увидеть проблески мира другого, сделанного по его мерке. Он никогда не сдаётся и всегда готов начать заново.

Безусловно, эта книга не предлагает утешиться поверхностным оптимизмом: современный человек утерял гармонию с окружающим миром, и ее восстановление — дело трудное. Идеализация и иллюзорные надежды здесь не помогут. Им в книге противопоставлены настойчивость и нежелание смириться с происходящим.

Теперь нам легче определить основной посыл книги. Можно подумать, что главная тема сборника — ностальгия, тоска по утерянной идиллии, что в рассказах осуждается бесчеловечность «индустриального общества» и идеализируется прошлое. Да, многие современные авторы пишут именно об этом, но в нашем случае все не так просто.

Если посмотреть внимательнее, мы увидим, что критика «индустриального общества» идет здесь рука об руку с не менее резкой критикой любой мечты о «потерянном рае». «Индустриальная» идиллия развенчивается так же, как идиллия «деревенская». Возврат в прошлое не просто невозможен — этого прошлого

и не было никогда, оно иллюзорно. Любовь Марковальдо к природе — это та любовь, которая могла родиться только в сердце горожанина. Поэтому мы ничего не знаем о том, откуда Марковальдо родом. Этот чужак в городе одновременно является истинным горожанином.

Автор критически относится к некоторым фактам и явлениям и одновременно полон симпатии к людям и любым проявлениям жизни. Если автор и подталкивает читателя извлечь какой-то «урок» из написанного, то делает это ненавязчиво: он не настаивает, не утверждает окончательно и бесповоротно — наоборот, всегда готов посмотреть на происходящее под другим углом.

Сборник создавался в течение десяти лет. Первые рассказы появились в 1952-м, последние — в 1963 году. Изменения в социальной и литературной жизни Италии отражаются в книге не напрямую, без точных указаний на время; отмечены только общие тенденции (возьмем для примера спор об отравленных химикатами продуктах в рассказе «Где река синее»).

Борьба за выживание — основная тема неореализма в послевоенном кино и литературе. Истории о Марковальдо начинаются, когда основная волна неореализма уже схлынула. Бедные, живущие впроголодь семьи послевоенных романов и фильмов рискуют стать общим местом в литературе, хотя в реальности их еще достаточно. Рассказы сборника представляют собой эксперимент в жанре современной сказки, это комико-элегический этюд на границе с неореализмом. Постепенно

атмосфера в Италии меняется: на смену образу бедной и малоразвитой страны приходит образ государства, которое постепенно достигает, хотя бы отчасти, того уровня технического развития и социальных возможностей, который отличает самые богатые страны. Рождается (ложная) эйфория «экономического чуда», «потребительского бума», «общества изобилия». В литературе проблема бедности населения сменяется проблемой общества, где все ценности становятся предметом купли-продажи. В мире, где все измеряется в терминах производства и потребления, легко перестать видеть разницу между вещами и людьми.

Иронико-элегические новеллы о Марковальдо располагаются на полях подобной «социальной литературы». Символическое отображение этой проблематики — бег Марковальдо с семьей (как обычно без гроша в кармане) через ломящийся от продуктов супермаркет.

Реклама — как неизменный атрибут современности — играет не последнюю роль в жизни Марковальдо и его семьи. В морозные послевоенные ночи дети Марковальдо принимают рекламные щиты за деревья («Лес у шоссе»). Яркие вывески, на которые выходят окна мансарды, захватывают воображение не меньше, чем огни ночного неба («Луна и НЬЯК»). А в финале рекламной кампании моющих средств («Дым, ветер и мыльные пузыри») радужная пена от бесплатных образцов стиральных порошков поднимается в небо и растворяется в дыме заводских труб.

Власть рекламы, одержимость потреблением, коммерческие отношения, маскирующиеся под человеческие, — какое Рождество возможно в подобном мире? Только такое, в котором вымышленная Ассоциация повышения рождественских продаж запускает рекламную кампанию игрушки «Ломай-не-бойся» («Дети Деда Мороза»).

Но как только рассказ начинает хоть отчасти звучать однозначно или нравоучительно, автор в свойственной ему манере отступает в тень и спешит напомнить, что все это — лишь игра (не забудем, однако, что истинный смысл любой истории — только тот, который читатель сумел извлечь для себя в процессе размышлений). Так, последний рассказ заканчивается характерным пассажем, в котором каждый образ постепенно растворяется в последующем. Небольшая комическая сценка оборачивается фрагментом из детской книжки, в которой волк преследует зайца, а этот последний образ, в свою очередь, теряет очертания и исчезает в белизне страницы.

Для кого эта книга? Для детей? Для подростков? Для взрослых? Выше замечено, как постоянно пересекаются в ней разные смысловые планы. А может быть, в намеренно незамысловатых по сюжету историях автор стремится выразить свое, полное вопросов и сомнений, отношение к этому миру? Что ж, возможно, и так.

## ГРИБЫ В ГОРОДЕ

**З**алетный ветер из чужих краев любит оставлять городу необычные подарки, но замечают их только самые тонкие и чувствительные души — вроде аллергиков, что начинают чихать из-за какой-нибудь особенной цветочной пыльцы.

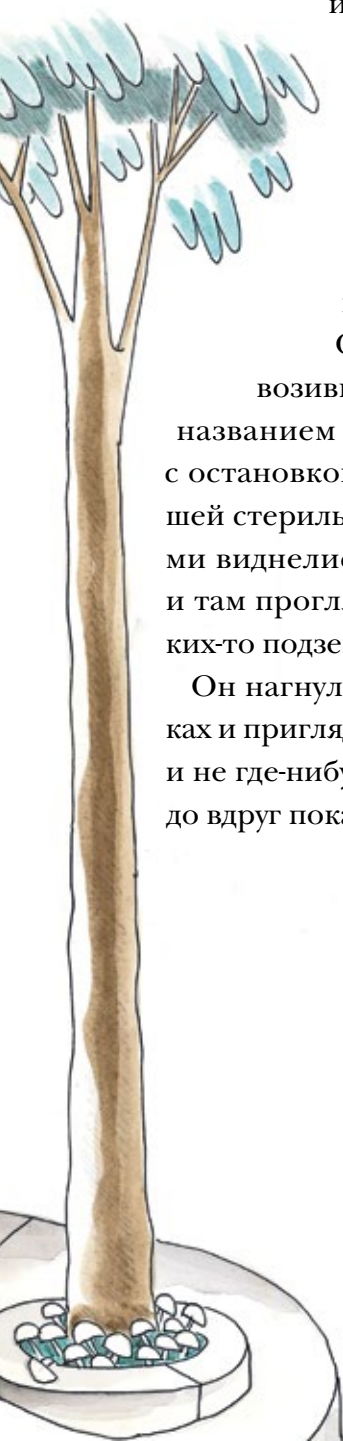
Как-то раз на клочке городской земли неведомо откуда появилась горстка спор, и из нее проклюнулись грибы. Никто этого не заметил, кроме подсобного рабочего Марковальдо, который каждое утро ждал трамвая рядом на остановке. Зрение Марковальдо было плохо приспособлено к городской жизни: вывески, светофоры, витрины, светящиеся афиши (какими бы яркими и зазывающими они ни были) совершенно его не привлекали — взгляд скользил по ним, как по пескам пустыни. Зато какой-нибудь желтеющий на ветке лист



или зацепившееся за черепицу перышко он примечал сразу. Слепень на спине у лошади, дырочка, проделанная в столе древесным жуком, раздавленная на тротуаре кожица инжира — и Марковальдо уже погружался в раздумья: о смене времен года, о потаенных желаниях души и тягостях собственного существования.

Однажды утром в ожидании трамвая, довозившего его до работы — некой фирмы под названием «СБАВ», Марковальдо заметил рядом с остановкой что-то необычное. На полоске высохшей стерильной земли под растущими в ряд деревьями виднелись странные вздутия, и в трещинах тут и там проглядывали закругленные поверхности каких-то подземных тел.

Он нагнулся как будто завязать шнурки на ботинках и пригляделся получше: грибы, настоящие грибы, и не где-нибудь, а в самом сердце города! Марковальдо вдруг показалось, что серый и унылый мир вокруг



таит в себе множество сокровищ и что от жизни можно ждать не только ежемесячного жалования, скудных пособий и случайных выплат.

На работе он был рассеян больше обычного: думал о том, что, пока возится тут с ящиками и упаковками, там, во мраке земли, тихие, неторопливые и ведомые только ему одному грибы созревают пористой плотью, напиваются подземными соками и взламывают сухую кору дерна. «Одна дождливая ночь — и можно будет собирать», — сказал он себе. И так уж ему не терпелось посвятить в свое открытие жену и шестерых ребятишек!

— Вот что я вам скажу! — объявил он им за скудным обедом. — Не пройдет и недели, как у нас на обед будут грибы! Прекрасное грибное жаркое! Помяните мое слово!

Младшие дети не знали, что такое грибы, и Марковальдо стал с воодушевлением рассказывать про разнообразие их видов, уникальный вкус и как их можно по-разному готовить. Тут к разговору подключилась и его жена Домитилла, до того слушавшая с отрешенным и недоверчивым видом.



— А где они, эти грибы? — спросили дети. — Скажи нам, где они растут!

Энтузиазм Марковальдо сразу подувал, уступив место сомнению: «Покажу я им место, кинутся искать с друзьями-мальчишками, прознают в квартале — только мы и видели тогда наши грибочки!» И открытие, изначально наполнившее его сердце вселенской любовью, теперь разбудило в нем жажду обладания, подозрительность и тревогу.

— Где они растут, знаю только я, и больше никто, — отвечал он. — И попробуйте только кому-нибудь проговориться!

На следующее утро Марковальдо подходил к остановке с тревожным чувством. Наклонившись, он, к своему облегчению, увидел, что грибы на месте — даже подросли немного, хотя по-прежнему почти целиком скрыты в земле.

Вдруг он заметил кого-то у себя за спиной, быстро выпрямился и, повернувшись, постарался придать лицу безразличное выражение. Перед ним, опираясь на метлу, стоял дворник — молодой долговязый очкарик по имени Амадиджи.

Дворник этот (грибы росли на вверенной ему территории) давно вызывал у Марковальдо раздражение: в своих очочках тот, казалось, только и делал, что выискивал среди асфальта мельчайшие проявления живой жизни, чтобы разделаться с ними одним взмахом метлы.

Была суббота, и Марковальдо полдня бродил с рассеянным видом около остановки, не спуская глаз

с дворника и грибов и прикидывая, когда урожай успеет.

Ночью пошел дождь. Как крестьяне, что после месяцев засухи готовы плясать от радости при звуке первых капель, Марковальдо, единственный во всем городе, вскочил, протер глаза, кликнул домашних.

«Дождь, дождь!» — и вдыхал в себя проникавший в окно запах прибитой дождем пыли и свежей плесени.

А как только рассвело — день был воскресный — взял с собой детей и одолженную у кого-то корзину и побегал к остановке. Грибы уже были на ногах, стояли, подняв шляпки, над еще мокрой землей. «Ура!» — и все как по команде кинулись собирать.

— Папа! Смотри, сколько уже у того синьора, — сказал Микелино, и отец, подняв голову, увидел стоящего рядом с ними Амадиджи с корзиной, полной грибов. — Тоже собираете? — обратился к нему дворник. — Значит, съедобные? Я вот собрал немного, но был как-то не уверен... Там у проспекта еще крупней растут... Ладно, раз так, пойду скажу моим родственникам — они все никак не решат, собирать или оставить... — и быстро удалился.

Марковальдо стоял как громом пораженный: «еще крупней», а он даже не заметил, и теперь этот неслышанный урожай ускользал у него прямо из-под носа. От злости и ярости он на какой-то миг лишился дара речи. Но потом — как бывает — эгоизм, потерпев поражение, сменился у него порывом великодушия. К тому

времени на остановке собралось много людей, все со сложенными зонтиками: небо по-прежнему хмурилось, и в любой момент мог пойти дождь.

— Эй, чего стоите? Хотите сегодня на обед грибное рагу? — крикнул им Марковальдо. — Здесь у проспекта грибы выросли! Кто со мной? Обещаю — хватит на всех! — с этими словами он пустился вслед за Амадиджи, и часть ожидавших трамвая людей потянулась за ним.

Грибов, в самом деле, хватило каждому, и за неимением корзин их собирали в раскрытые зонтики. Кто-то сказал: «А хорошо бы устроить грибной пир на всех!» Но каждый унес свой улов с собой.

Только довольно скоро, тем же самым вечером, все они встретились в общей больничной палате — после промывания желудков. Отравление, по счастью, было несильным, поскольку грибов каждому досталось внатруску.

Марковальдо и Амадиджи лежали на соседних койках и бросали друг на друга уничтожающие взгляды.

---

## ОТДЫХ НА СКАМЕЙКЕ

Каждый день по пути на работу Марковальдо проходил мимо зеленого городского сквера, расположенного на пересечении четырех улиц. Подняв голову, он любовался пышными каштановыми кронами и прислушивался к бестолковому чириканию не различимых в листве воробьев. Ему они казались настоящими соловьями, и он говорил себе: «Хорошо бы хоть раз проснуться от щебета птиц, а не от звона будильника, воплей новорожденного Паолино и ворчания Домитиллы!» Или: «Хорошо бы ночевать одному среди этой зеленой свежести, а не в низкой и душной комнатенке. Не слышать, как храпит жена, бормочут во сне дети и громыхает под окнами поздний трамвай. Да, в естественной темноте ночи, а не с задернутыми шторами, исполосованными светом ближних фонарей... Открывать утром

глаза — и видеть листву и небо!» С таких мыслей начинался обычно его восьмичасовой (если не считать сверхурочных часов) трудовой день подсобного рабочего.

В одном из укромных уголков сквера, в густой тени каштанов, стояла одинокая скамейка. Марковальдо сразу положил на нее глаз. В летние ночи, когда не удавалось уснуть (спали они в комнате все впятером), он мечтал об этой своей скамейке, как бездомный грезит о королевском ложе. И вот однажды ночью — жена как обычно храпела, а дети бойко брыкались во сне — он поднялся с кровати, оделся и, прихватив с собой подушку, отправился к городскому скверу.

Тут было свежо и тихо. Он уже предвкушал, как вместо продавленного матраса опустится на мягкие и гостеприимные доски скамейки. Пару минут будет разглядывать звезды, потом закроет глаза и погрузится в благодатный сон, прогоняющий всю досаду дня.

Свежо и тихо — это да. Но со скамейкой было сложнее. На ней сидели, глядя друг другу в глаза, двое влюбленных. Марковальдо незаметно отступил назад. «Время позднее, — подумал он. — Не захотят же они ночевать на улице. Поворкуют и уйдут!»

Но те двое не ворковали — ссорились. А если ссорятся влюбленные, то никогда нельзя сказать, в каком часу они закончат.

— Согласись, когда ты так сказала, то понимала, что мне будет неприятно, — только притворялась, что не понимаешь, — говорил он.

Марковальдо понял, что разговор может затянуться. — Не соглашусь, — как и ожидал Марковальдо, отвечала она.

— Почему?

— Не соглашусь никогда.

«Вот ведь...» — подумал Марковальдо и с подушкой под мышкой пошел бродить по парку и смотреть на луну. Луна висела над деревьями и крышами, круглая и большая.

Потом он вернулся к скамейке, обходя ее на почтительном расстоянии. Хотя, может, и лучше было бы их потревожить — скорее бы ушли. Но те были слишком заняты своим разговором и совсем его не замечали.

— Ну так ты согласна?

— Конечно нет!

— Но ведь это очевидно!

— Тебе очевидно! А мне очевидно, что ничуть не очевидно!

Марковальдо отвернулся от них и снова стал глядеть на луну. Потом отошел посмотреть на светофор, что был виден поблизости.

Светофор показывал желтый — желтый — желтый, — вспыхивая снова и снова. Марковальдо невольно стал сравнивать его с луной. Луна с ее таинственной бледностью, в глубине зеленоватая и голубая, — и светофор с этим своим цыплячьим желтым. Луна льет свой свет спокойно, никуда не спешит, только накинет величественно на плечи облачную шаль и плывет

дальше. А суетливый светофор включится — выключится, включится — выключится, и свет его какой-то неживой — усталый и подневольный.

Марковальдо оглянулся снова: может быть, там уже разобрались? Но спор был в самом разгаре. Только теперь все перевернулось. Она говорила: «Ну что, согласен?», а он говорил: «Нет».

Так прошло полчаса. Наконец, то ли он уступил, то ли она — в общем, оба встали и, держась за руки, куда-то пошли.

Марковальдо скорей побежал и повалился на скамейку. Но никакого блаженства не почувствовал, и собственная кровать больше не казалась ему такой уж неудобной. Однако он оставался тверд в своем намерении провести приятную ночь под открытым небом и, уткнувшись в подушку, приготовился к спокойному сну, от которого отвык уже давным-давно. Нашел самую удобную позу — теперь, главное, не пошевелиться. Жаль только, что в этом положении он видел не уходящие вдаль деревья и небо (как хорошо было бы засыпать, имея перед глазами такую идиллическую картину), но, по мере удаленности, дерево, саблю генерала, принадлежавшую верхней части памятника, еще одно дерево, какую-то афишу, третье дерево и за ним, немного подальше, фальшивую мигающую луну светофора, который заклинило на одном желтом свете.

Надо сказать, что в последнее время у Марковальдо так расшатались нервы, что даже когда ему

смертельно хотелось спать, достаточно было любой мелочи, реальной или воображаемой, чтобы он не мог заснуть, как ни старался. И вот сейчас ему мешал светофор. Казалось бы, какое ему дело до этого желтого глаза, мигающего где-то в отдалении. И вот поди ж ты. «Уже уснул бы, если бы не этот дурацкий свет! — бормотал он себе под нос. — И как бы хорошо выспался!» Он прикрывал глаза — и находил под веками все те же желтые вспышки, зажмурился — и видел перед собой десятки светофоров, открывал глаза — и все начиналось сначала.

Марковальдо встал. Нужно было чем-то заслониться от назойливого светофора. Он дошел до генеральского памятника и огляделся по сторонам. На пьедестале лежал лавровый венок, довольно густой, хоть и изрядно высохший. Крепился он на деревянном каркасе и был обвит широкой выцветшей лентой, на которой еще читались слова: «От уланов пятнадцатого полка в день славной годовщины». Марковальдо забрался на пьедестал, поднял венок и повесил его на генеральскую саблю.

В это время полицейский Торнаквинчи ехал через площадь на велосипеде. Марковальдо быстро спрятался за статуей. Торнаквинчи увидел, что тень от монумента пошевелилась, остановился и, приметив венок на сабле, смекнул, что тут что-то не так. Направил фонарик на ленту, прочел «От уланов пятнадцатого полка в день славной годовщины», кивнул в знак одобрения и поехал дальше.

Выжидая, пока он удалится, Марковальдо пошел снова бродить по скверу. На соседней улице бригада рабочих чинила трамвайные пути. Среди пустоты ночных улиц группки людей, скрючившихся в ослепительном свете электросварки, их гулкие затихающие голоса оставляют странное ощущение, как будто заговорщики замышляют что-то такое, о чем лучше не знать дневным обитателям города.

Марковальдо приблизился и слипающимися сонными глазами смотрел на вспышки пламени и уверенные движения рабочих.

Чтобы не заснуть, он поискал в кармане сигарету, хотя спичек у него не было.

— Прикурить не найдется? — спросил он у рабочих.

— От этого огонька не хотите? — откликнулся сварщик, выпуская в воздух ослепительный сноп искр.

Один из рабочих выпрямился и протянул Марковальдо зажженную сигарету.

— Тоже в ночную смену работаете? — спросил он.

— Да нет, я днем, — ответил Марковальдо.

— А чего ж тут делаете в такой час? Мы и то скоро сворачиваемся.

Марковальдо вернулся к скамейке и улегся снова: теперь светофор больше не мешал, и можно было бы наконец уснуть.

Раньше он как-то не замечал шума. Теперь же никак не мог отделаться от свистящего, похожего на большое дыхание звука, то и дело переходящего в скрежет или шипение.

Нет ничего назойливее, чем звук сварочного аппарата, похожий на придушенный вопль. Марковальдо свернулся калачиком на своей скамейке и уткнулся лицом в сморщенную подушку, но это не помогло. Перед глазами возникало белесое, брызжущее золотыми искрами пламя сварки, склонившиеся над землей люди в закопченных масках, сварочный пистолет в вибрирующей руке рабочего, резкие черные тени — от передвижной установки с оборудованием и от похожей на дворец арматуры, достающей аж до самых проводов. Он открыл глаза, перевернулся на другой бок, посмотрел на звезды между ветвей. Там наверху, среди листвы, продолжали спать невидимые воробьи.

Заснуть бы как птицы, спрятав голову под крыло, спать бы в их зеленой лиственной колыбели, что покачивается над почти неприметной внизу землей! Но чем дальше, тем больше: теперь, чтобы уснуть, Марковальдо мало было даже самой настоящей тишины. Что ему нужно, он и сам не знал. Наверное, что-нибудь убаюкивающее — веянье тихого ветерка в подлеске или нежное журчанье лугового ручья.

Вдруг какая-то мысль шевельнулась в его сонном мозгу. Даже и не мысль, пожалуй. Просто пригрезилось, что поблизости должно быть что-то вроде лепечущего ручейка. Он встал, пошел наобум и вскорости набрел на фонтан — шедевр скульптуры и гидравлики, с нимфами, фавнами и морскими божествами, чьим назначением было направлять во все стороны перелетающиеся струи, каскады и веера воды. Только

теперь фонтан стоял совершенно сухой. По ночам в целях экономии его отключали.

Марковальдо стал обходить его, как лунатик, в смутном предчувствии, что где-то в этой чаше должен быть кран. Есть люди, которые найдут то, что им надо, даже с закрытыми глазами. Он нашел его и открыл. В тот же миг отовсюду — из раковин, рогов фавнов и ноздрей морских коней — с шумом взметнулись фонтаны и струи воды, и все они, возносясь и низвергаясь, гудели и пели, как воздвигнутый посреди пустой площади многотрубный орган.

Ночной полицейский Торнаквинчи ехал назад в самом мрачном настроении духа. Ему еще предстояло развезти и подsunуть под двери парадных свои визитки. Увидев, как прямо у него перед носом взорвался водяным фейерверком выключенный фонтан, он чуть не свалился с седла.

Марковальдо, боясь спугнуть подступающую дремоту, побежал и рухнул на свою скамейку. Теперь он как будто прилег вблизи лесного ручья — и под шелест ветвей и струй погрузился в сон.

Во сне он видел накрытый к обеду стол. Тарелка его прикрыта, как будто для того, чтобы еда не остыла. Он заглядывает: внутри мышь, издающая отвратительный запах. Смотрит в тарелку жены — и там дохлая мышь. У детей мышки поменьше, но тоже уже наполовину разложились. Он поднимает крышку супницы и видит лежащего

вверх животом кота. От всей этой вони Марковальдо проснулся.

Поблизости стоял мусоровоз, приехавший разгружать помойку. В неясном свете фонарей кряхтел и скрежетал подъемный кран. Стоя на куче мусора, двое рабочих направляли вручную подвешенный к крану контейнер, опрокидывали его содержимое в грузовик и утрамбовывали лопатами. «Поднимай... Опускай... Черт, не туда!» — раздавались хриплые прокуренные голоса. Следовал похожий на гонг звук железа об железо, шум заводящегося мотора — мусоровоз трогался с места



и останавливался немного поодаль, потом все началось сначала.

Еще не до конца проснувшись, Марковальдо не различал всех этих звуков, а если и различал, то очень смутно, но вонь уже не давала ему заснуть снова. Мысль о невыносимом запахе настолько разрослась в его сознании, что и все эти приглушенные звуки, и неясные силуэты воспринимались им не как силуэты и звуки, но исключительно как зловоние. Как ни старался он вообразить и почувствовать аромат розария, все было напрасно.

У ночного патрульного Торнаквинчи пот выступил на лбу: через клумбу, яростно обрывая на ходу цветы, пробежала на четвереньках и исчезла человеческая тень.

Но он подумал, что это, верно, собака (пусть занимается служба отлова собак), или галлюцинация (он не психиатр и ничего в них не понимает), или оборотень (тем более не по его части), — и повернул за угол.

А Марковальдо вернулся на свое ложе и уткнулся носом в смятый букет маргариток в надежде, что запах цветов сможет победить отвратительные миазмы помойки. У маргариток почти нет запаха, но свежесть росы, земли и сорванной вместе с цветами травы подействовали как бальзам. С помойкой было покончено, и Марковальдо заснул, не заметив наступления рассвета.

Когда же он проснулся — небо было широко распахнуто над головой, а солнце сияло так, что листья

каштанов растворились в его сиянии и ослепленному Марковальдо потребовалось некоторое время, чтобы снова их увидеть. Но ждать было некогда: садовники уже начали поливать клумбы, и Марковальдо вскочил оттого, что за шиворот ему потекли холодные струйки воды. А вокруг громыхали трамваи, грузовики, фуры; рабочие на мопедах спешили к своим заводам; открывались витрины магазинов, поднимались жалюзи, оконные стекла сверкали на солнце миллионами искр. Не зная, на каком он свете, со слипшимися глазами, затекшей спиной и отдавленным боком, Марковальдо бежал на работу.



## ГОРОДСКОЙ ГОЛУБЬ

Перелетая осенью на юг, а весной на север, птицы обычно сторонятся городов. Вытянувшись клином, летят они высоко над полосатыми всхолмьями полей и уходящими вдаль лесами, то как будто повторяя изгибы рек, то следуя невидимыми путями ветра.

Но как-то раз в просвете между крыш над одной из улиц города показалась стая осенних вальдшнепов. И заметил их только Марковальдо, который никогда не упускал случая взглянуть на небо. В это время он ехал на мопеде с прицеппной тележкой и, увидев птиц, прибавил скорость, словно пустился за ними в погоню. Ладно бы он когда-нибудь охотился, так ведь нет: ружье держал в руках только на солдатской службе. Не отрывая глаз от стаи, он умудрился проскочить на

красный свет и на перекрестке чудом избежал аварии.

Пока постовой с багровым лицом записывал его имя и фамилию себе в блокнот, Марковальдо искал взглядом тот треугольник в небе, но птицы уже исчезли.

На работе к инциденту отнеслись строго.

— Светофоры, что ли, не для тебя? — кричал заведующий отделом синьор

Вилигельмо. — Куда ты только смотрел, пустая твоя башка?

— На вальдшнепов... — отвечал он.

— Что?! — У синьора Вилигельмо (он был заядлым охотником) загорелись глаза.

Марковальдо рассказал.

— В субботу выхожу с ружьем и собакой! — заявил воодушевленный начальник отдела, забыв о своем недавнем гневе. — Над холмом их уже видели. А эту



стаю не иначе как охотники спугнули, вот они и уклонились в сторону города...

Весь день мозги у Марковальдо работали не хуже мельницы. «В субботу на холме наверняка соберутся охотники. Значит, в городе появится еще больше спугнутых птиц. Надо все как следует продумать — тогда в воскресенье можно ждать на обед жареного вальдшнепа».

На крыше их дома была терраса с натянутой металлической проволокой для сушки белья. Марковальдо взял трех своих мальчишек, и они поднялись туда с ведерком птичьего клея, кистью и мешком кукурузы. Пока дети разбрасывали по террасе кукурузу, он старательно обмазывал клеем парапет, проволоку, верхи дымоходов. Кажется, даже перестарался, потому что Филиппетто, заигравшись, чуть не приклеился сам.

В ту ночь Марковальдо приснилось, что вся крыша завалена трепыхающимися вальдшнепами. Его жене Домитилле — большой любительнице поесть и не большой любительнице готовить — снились утки, которые сами зажарились, приклеившись к дымоходам. Дочка Изолина («она такая романтичная!») увидела во сне новую шапочку с колибри. А Микелино приснился аист.

На следующий день дети то и дело ходили проверять крышу. На всякий случай они только слегка

высовывались из слухового окна — чтобы не спугнуть птиц, если те как раз пожалуют. Новостей всё не было. Но вот где-то около полудня Петруччо вернулся с дозора, крича:

— Они там! Папа! Идем!

Марковальдо схватил мешок и поспешил наверх. Увы! Приклеился один несчастный голубь — из обычных сизарей, что толкуются на людных городских площадях. Другие, сочувственно на него поглядывая, летали вокруг, а он отчаянно пытался отодрать крылья от липкого парапета.

Семейство Марковальдо как раз обглаживало косточки этого тощего голубя, зажаренного на сковородке, когда в дверь постучали.

На пороге стояла домработница хозяйки дома:

— Синьора зовет вас к себе! Идите скорей!

С тяжелым предчувствием (он шесть месяцев не платил за квартиру и боялся выселения) Марковальдо отправился к хозяйке, жившей на втором этаже. Едва зайдя в прихожую, он увидел, что там уже есть гость: полицейский с багровой физиономией.

— Проходите, Марковальдо, — сказала хозяйка. — Мне сообщили, что на нашей террасе кто-то охотится на городских голубей. — Вы что-нибудь знаете об этом?

У Марковальдо мороз пробежал по коже.

— Синьора! Синьора! — раздался вдруг за дверью женский голос.

— Что еще, Гвендалина?

Вошла прачка.

— Понимаете, я вешала белье на террасе — и все прилипло! Хотела снять, а оно рвется. Все пропало! Не знаю, что теперь делать...

Марковальдо схватился за живот и согнулся пополам — то ли скрутил ревматизм, то ли непереваренный голубь встал у него поперек желудка.

---

## ГОРОД, ЗАТЕРЯННЫЙ В СНЕГУ

**В** то утро его разбудила тишина. Поднявшись с постели, Марковальдо ощутил в воздухе что-то странное. Попытался понять, который час, и не смог. Свет, проникавший сквозь планки жалюзи, был не утренним и не дневным — каким-то необычным. Марковальдо открыл окно: город исчез, вместо него взгляду предстал нетронутый белый лист. Прищурившись, он различил среди белизны еле заметные линии, которые могли бы сойти за знакомые очертания окон, крыш и фонарей, но и они тонули в этом огромном снеге, свалившемся на город ночью.

— Снег! — крикнул Марковальдо жене, вернее хотел было крикнуть, но голос вышел как будто придушенным. Снег поглотил не только линии, краски и расстояния, но и звуки. В заполненном им пространстве

воздух оставался абсолютно неподвижным — откуда тут было взяться звуку.

На работу Марковальдо шел пешком: из-за снега все трамваи встали. Прокладывая дорогу через город, он чувствовал себя свободным и не мог вспомнить, чтобы такое случалось с ним когда-нибудь прежде. На улицах не осталось ни тротуаров, ни мостовых, ни транспорта.

И Марковальдо — хоть и проваливался на каждом шагу по колено в снег, забивавшийся в ботинки и носки, — сделался тут хозяином и мог идти, как захочется: посередине улицы, через клумбы, не думая о светофорах и переходах, куда глаза глядят.

Пустынные улицы и проспекты расстилались перед ним, как белоснежные ущелья среди скал. Кто знает, был ли под этим покровом прежний город, или ночью его заменили на другой? Отыскались бы тут бензоколонки, ларьки, трамвайные остановки, или уже не было ничего, кроме нескончаемых снежных завалов? Марковальдо хотелось заблудиться в этом незнакомом ему городе, но ноги сами привели его к месту работы. Склад был все тем же, и, переступив порог, подсобный рабочий удивился тому, что ничего здесь не изменилось, как будто, поглотив весь мир, снег почему-то решил пощадить одно единственное здание — фирму «СБАВ».

Сегодня Марковальдо ждала большая, выше его роста, лопата. Вручая ее, начальник склада синьор Вилгельмо сказал:

— Чистить тротуар перед зданием должны мы сами. Так что давай, займись. Кроме тебя некому.

Марковальдо взял лопату на плечо и вышел.

Чистить снег — не забава, особенно на голодный желудок. Но Марковальдо был рад снегу, разрушившему его постылую каменную тюрьму. И с энтузиазмом принялся за работу, откидывая лопату за лопатой с тротуара на середину улицы.

У безработного Сигизмунда тоже имелись основания быть благодарным снегу: в то утро он наконец-то был принят в бригаду по расчистке улиц и предвкушал целый оплачиваемый рабочий день. Только в отличие от Марковальдо его занимали не туманные фантазии, а вполне конкретные расчеты: например, сколько кубометров снега нужно убрать, чтобы очистить столько-то квадратных метров проезжей части. И еще он думал, как произвести хорошее впечатление на начальника — тогда, может, и на постоянную работу возьмут.

Но вот Сигизмунд оборачивается — и что же он видит? Только что очищенный участок дороги снова засыпан снегом, а какой-то тип машет лопатой на тротуаре. От этого зрелища его чуть не хватил удар, и как был, с полной лопатой снега, он двинулся на Марковальдо.

— Эй! Это ты засыпал мне тут дорогу?

— А? Что? — вздрогнул Марковальдо. — Ну, допустим, я.

— Так вот. Или ты сейчас же уберешь снег своей собственной лопатой, или я заставлю тебя съесть его весь до последней снежинки.

— Но меня поставили чистить тротуар.

— А меня — улицу, понял?

— И куда ж я теперь его дену, этот снег?

— Ты от района?

— Нет, от фирмы «СБАВ».

Сигизмунд показал ему, как надо сваливать снег у бордюра, и Марковальдо расчистил его участок дороги.

Воткнув лопаты в снег, они остановились передохнуть, удовлетворенно осматривая сделанную работу.

— Сигаретки не найдется? — спросил Сигизмунд.

Пока они раскуривали одну сигарету на двоих, по улице проехал снегоочиститель, подняв две большие волны снега. В то утро любой звук был не громче шороха: когда оба подняли взгляд, весь очищенный ими участок оказался снова завален снегом.



— Что такое? Снова снег пошел? — они посмотрели на небо. Машина, вращая щетками, как раз завернула за угол.

Марковальдо научился делать плотные парапеты из снега. Так можно проложить свои собственные дороги — он один знал бы, куда они ведут, а остальные сразу бы заплутали. Перестроить весь город, воздвигнуть снежные горы высотой с дома, чтобы их было не отличить от настоящих зданий. А может, все дома и без того уже сделались такими, снаружи и внутри? Целый город из снега, с памятниками, колокольнями, деревьями — город, который можно разрушить лопатой и выстроить заново.

В одном месте у края тротуара высился холм снега. Марковальдо уже собрался подровнять его под свои парапеты и вдруг понял, что это машина — шикарный автомобиль председателя совета директоров синьора Альбоино, заваленный снегом. «А сделаю-ка я еще одну такую», — Марковальдо взял лопату и приступил к работе. Получилось хорошо: и не поймешь, какая из двух настоящая. Для пущего сходства он воспользовался первым попавшимся хламом: ржавая банка заменила собой фару, старый кран — ручку двери.

В это время у главного входа произошло оживление: швейцары и рассыльные кланялись и уступали дорогу председателю Альбоино. Близорукий и важный, тот решительно направился к своей машине, нащупал торчащий кран, потянул за него и, пригнув голову, вошел по самой шее в снежный сугроб.

Марковальдо завернул за угол дома и принялся чистить снег во дворе.

Рядом с ним дети только что слепили снеговика.  
— Не хватает носа! — сказал один из них. — Где бы взять морковку? — И они кинулись по домам — обыскивать свои кухни.

Марковальдо подошел к снеговик и стал его разглядывать. «Под снегом правда все похоже — не различишь. Но одно исключение все же есть: человек. Меня вот с этим не спутаешь».

Погруженный в свои мысли, он пропустил мимо ушей, когда двое рабочих, чистивших крышу, крикнули ему сверху: «Эй, дядя, отойди-ка в сторонку!». И почти в тот же миг на него обрушилась лавина снега.

Тут подросли дети с морковками.  
— Ого! Кто-то сделал еще одного снеговика! — Посреди двора стояли рядом друг с другом два снежных человека.

— Пусть носы будут у обоих! — И они приделали двум головам носы-морковки.

Марковальдо стоял ни живой ни мертвый, замерзая в своем толстом коконе из снега, и вдруг... ну надо же, еда! Он начал жевать.

— Ой, смотрите! Морковка исчезла! — дети перепугались не на шутку.

Только один не растерялся. Взял запасной нос — добытый на кухне большой красный перец — и приделал его на место исчезнувшей моркови. Снеговик тут же заглотив и его.

Тогда они попробовали вставить вместо носа длинный уголек. Но Марковальдо, раскусив его, с силой выплюнул обратно.

— Караул! Он живой! Живой! — И дети в панике разбежались.

В одном углу двора была решетка, из которой поднималось облако пара. Тяжелой походкой снеговика Марковальдо направился к ней и встал рядом. Снежный кокон быстро растаял и потек ручьями: Марковальдо стоял распухший от холода, с красным заложенным носом.

Чтобы согреться, он взял лопату и снова принялся за работу. В носу у него застрял огромный чих, щекотал изнутри и никак не решался выйти наружу. Марковальдо работал лопатой, полуприкрыв глаза, а чих подбирался к кончику носа. И вдруг: «А-А-А-А», — словно шум лавины, и «ЧХИ!» — как разорвавшаяся граната. Мощным потоком воздуха его отбросило к стене.

Весь снег, что был во дворе, поднялся, закрутился смерчем и, взметнувшись в небо, исчез среди облаков.

Когда Марковальдо открыл глаза, приходя в себя, во дворе не осталось ни одной снежинки. Все было таким, как всегда: серые стены, ящики и коробки со склада, унылое нагромождение угловатых и враждебных вещей.